

Богатый матеріалъ, открытый Бейлемъ, только подъ руками Мериме получилъ свою безсмертную форму... Стилъ Мериме отличается прозрачностью, которую безсилень затмить самый блестящій языкъ. Его образы, его характеры поразительно рѣзки; они живутъ, мы можемъ касаться ихъ руками. Прелесть его манеры заключается въ ея силѣ. Онъ не знаетъ ни отступленій, ни прикрасъ; ему не опасны, поѣтому, никакія перемѣны въ модѣ и вкусѣ. Его современники выступили на арену въ пестрыхъ одеждахъ, позолоченныхъ шлемахъ, съ развѣвающимися знаменами; онъ является чернымъ рыцаремъ на романтическомъ турнирѣ... Ему чуждъ всякій лиризмъ, онъ всегда застегнутъ сверху до низу. У него нѣтъ любимаго дѣла, нѣтъ теоріи, нѣтъ и слѣда какой-нибудь политической или соціальной тенденціи. Онъ ничѣмъ не увлекается и ни во что не вѣритъ; къ прогрессу, къ народному благу, къ судьбѣ отечества онъ относится съ равнодушіемъ и скептицизмомъ свѣтскаго человѣка. Онъ любитъ кровавыя, страшныя тѣмы, охотно описываетъ смерть и сумасшествіе, охотно выбираетъ свои сюжеты изъ жизни отдаленныхъ эпохъ или отдаленныхъ народовъ, чтобы имѣть дѣло съ цѣльными характерами, первобытными предразсудками, необузданными чувствами». Главныя черты дарованія Мериме и его натуры схвачены Брандесомъ совершенно вѣрно; не совсѣмъ правильнымъ кажется намъ только общее ихъ освѣщеніе. Въ художественности Мериме есть значительная доля искусственности. Постоянная погоня за страннымъ, дикимъ, далекимъ, непохожимъ на окружающую среду, на современность, постоянныя усилія быть сдержаннымъ, холоднымъ, сухимъ въ описаніи горячихъ страстей, въ изложеніи необычайныхъ фактовъ—все это несовмѣстно съ истинной простотой, той простотой, которая дѣйствительно служитъ залогомъ долговѣчности для автора и произведенія. Мериме положилъ начало тому культу формы, тому стремленію къ безусловной пластичности и безстрастности языка, которыя возведены въ принципъ ультра-натуралистическою критикою и составляютъ камень преткновенія для ультра-натуралистическаго романа. «Мраморъ и бронза», съ которыми соперничаетъ слогъ Флобера, которые служатъ девизомъ и знаменемъ для Золя—это прямое наслѣдство Мериме, наслѣдство крайне опасное, когда оно принимается цѣльнымъ, безъ оговорки и ограниченія. Шлифовка каждой фразы, cadaго слова, задерживающая трудъ писателя, заставляющая его безпрестанно возвращаться назадъ и топтаться на одномъ мѣстѣ, отвлекающая его мысль отъ новыхъ, болѣе широкихъ задачъ, обращающая его въ бенедиктинца поэзіи или романа,